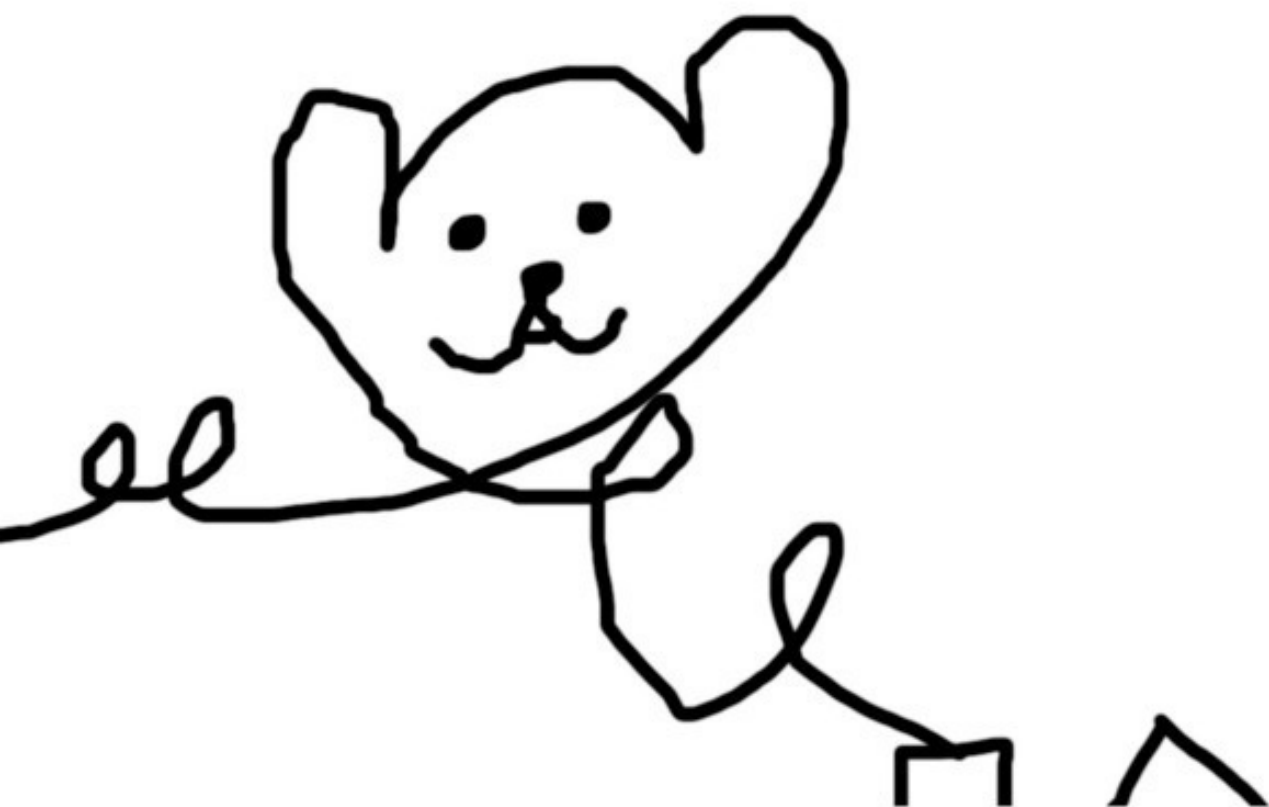

Вениамин Агнинцкий

**МЕДВЕДИ,
САМОСВАЛЫ И ЕЩЁ
МНОГО ЧЕГО
ИНТЕРЕСНОГО**

Роман

Вениамин Агнинцкий

**Медведи, самосвалы и ещё
много чего интересного. Роман**

«Издательские решения»

Агнинцкий В.

Медведи, самосвалы и ещё много чего интересного. Роман /
В. Агнинцкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518622-5

Герой данного произведения прекрасно знает, что он — персонаж книги. Так как он находится прямо в голове у автора, он знает всю историю от начала и до конца. Сможет ли герой взять ответственность на себя и полностью изменить свою судьбу? Или всё предрешиено сюжетом?

ISBN 978-5-00-518622-5

© Агнинцкий В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 2	11
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Медведи, самосвалы и ещё много чего интересного Роман

Вениамин Агнинцкий

© Вениамин Агнинцкий, 2020

ISBN 978-5-0051-8622-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

С чего всё начинается

*Его фразы так врезались в
стены, кожу, глаза, воздух, что*

Я начал что-то подозревать...

И вот появляюсь я. Мне в лицо дует ветер, хотя я нахожусь в помещении. Я точно знаю, что это помещение, хотя, ничего не видно. Слова являются здесь ни то текстом в пространстве, ни то голосом в голове. Не мог бы ты немного меня доработать? Спасибо, теперь я всё вижу.

На данный момент эта книга уже закончена. А те, кто её прочитал, сообщили, что тебе необходимо её перечитать и доработать? Поэтому ты снова здесь?

Стоит ли говорить о том, что меня не существует? Или ещё рано? Ты читаешь эти слова, фантазия начинает работать и вот, пожалуйста, я становлюсь всё более реальным, более осязаемым.

Так работает написанное слово, ведь стоило мне на секунду о чём-то задуматься, как вы уже об этом прекрасно знаете. Кстати, я твёрдо уверен в том, что есть некто, кто располагает куда большими познаниями, ведь ему известно не только то, о чём я думаю или же что говорю. Ему известны мои мысли ещё до того, как те посетят мою голову.

Который час? О каком времени идёт речь? О каком месте?

Мой друг, что является Создателем, считает, что настало время потихоньку раскрывать карты.

Пока я сижу в своём каминном зале на кресле с хорошей книгой. Кстати! Там ничего не написано!

Итак, пока я сижу в своём каминном зале на кресле с хорошей книгой про Жихаря... что? Спасибо.

Что ж, пока я сижу в своём каминном зале на кресле с книгой про Жихаря, может пройти всего несколько минут, за которые тот, кто вкладывает мне в голову эти слова может прожить десятки лет и вернуться ко мне лишь проведать, как я, безмолвно застыв в очередной строке, повинаясь закону моего мира не делаю решительно ничего. Затем, по воле его пера, продолжаю свои дела как ни в чём не бывало.

Отмечу, что каждый из вас, стало быть, уже знает, где я нахожусь. А тот факт, что я занимаюсь, извините, чтением, говорит о том, что читать я умею, правда, вкус на книги у меня, отвратный.

Одет я был в тот момент... почему в тот? Потому что сейчас я совершенно не знаю, что со мной происходит. Ведь когда мы переносимся на новый абзац, вроде бы, и обстановка может измениться, и политическая ситуация в мире.

Вернёмся, поэтому, к тому самому моменту, ведь я, как любой человек, больше люблю определённости и те времена, возможно, беспрецедентно далёкие, когда я был в порядке и точно знал, что творится вокруг. Исходя из этого я осмелюсь предположить, что каждый из вас представил меня по-разному. Дабы сократить количество вариантов, должен сообщить, что одет я был в мягкие тапочки на босую ногу, широкие шерстяные штаны, мой любимый махровый халат, а мои волосы были обычные. Тут я даю вам волю фантазии. Волосы – это хорошо, это лучше, когда они обычные, чем когда их нет совсем. Однако, предположу, что многие со мной бы поспорили. Здесь главное понимать, что я ничего не думаю сам, ничего сам не понимаю, а спорить вы бы стали не со мной, а с тем, кто всё это придумал!

Я могу видеть, ощущаю прикосновение ткани к моему телу, некоторую влажность на ступнях, ведь, а в этом я нисколько никогда не сомневался, камин греет очень хорошо.

Вернувшись ко мне через десятки лет, этот кто-то может отправить меня в опасное приключение, на ограбление банка или даже в ванную. Сделать всё это, кстати, он может и прямо сейчас.

Вот оно! То чувство, когда абсолютная власть надо мной меня совсем не беспокоит, и я полностью отдаюсь моменту. Также, главное, чтобы это не было воспринято как руководство

к действию, ведь он может меня убить! От этой мысли мне стало не по себе, я отложил книгу на столик и отправился в ванную, чёрт возьми.

Моя ванная комната освещена лишь тусклой лампой, небольшое окно скрыто старой занавеской, которую я отодвигаю утром, чтобы умываться при дневном свете. Небольшое зеркало помогает мне увидеть себя и понять, что я существую.

Можно сказать, что в этом мире я несмышлёный ребёнок, ведь появление моё произошло совсем недавно. Однако, я знаю, что было годы и годы назад.

Именно поэтому я знаю, что люди думают о смерти. Она случится с каждым. И кто-то когда-то, делая повседневные дела, вдруг вспоминает об этом, по спине проходит холодок, но колесо жизни подхватывает и отправляет дальше. Именно так я думаю о том, что меня не существует. Жизнь идёт, но где-то на «подкорке» нежится эта мысль, лишь изредка показываясь и напоминая, что всё, окружающее меня ненастоящее.

Мало того, что ненастоящее, так ещё и появляющееся в режиме реального времени. С ума сойти!

Наверное, стоит познакомиться. Если бы я не рассказал вам свою историю, то мне бы пришлось это сделать. Итак! Я родился в обычной семье обычных родителей в обычном городе.

Ты издеваешься?

Я родился в семье научного сотрудника и актрисы, у меня было два брата, которые оба пропали во время войны. И как бы это не было драматично – после войны они нашлись, открыли собственное дело и уехали в Америку покорять Америку.

Я так не говорю, но не смею поправлять тебя.

Рос я, будучи окружённым любовью и заботой. У меня было всё, о чём можно было мечтать, но в этом крылась огромная проблема – я никогда в своей жизни не мечтал. Это не от того, что я был и остаюсь скудоумным, либо человеком абсолютно лишённым фантазии. Так получилось от того, что сама технология мечтаний для меня всегда была скрыта.

Мои сверстники мечтали о том, чтобы прославиться в амплу популярного певца или полететь в космос, стать учёным, который бы нашёл лекарство от всех болезней, ну или уметь читать быстрее, чем по слогам. Чуть позже я узнал, что бывают мечты, которые человеку вовсе не нужны. Это мир во всём мире, любовь во всём мире, чтобы все были богатыми... Звучит хорошо, но никому это не принесёт так называемого «счастья». Всё идеальное, как оказывается, я считаю, пусть остаётся идеальным и витает в воздухе в виде лозунгов.

В моём понимании, если касаться личных желаний, всё вышеперечисленное открывалось как последовательность действий, итогом которых было бы исполнение так называемой «мечты». Сказать, что я больше преуспел, чем мои мечтающие ровесники я не могу, потому что как мы можем сравнивать космонавта и поэта-песенника? Однако, ни тем, ни другим я так и не стал. Кстати, я даже не знаю, кем я стал, сколько мне лет и откуда, чёрт его побери, этот ветер дует мне в лицо?!

Я вернулся из ванной и сел в кресло. Я чувствую капли на своём лице, однако, кресло, комната, камин, всё пропало. Видимо, время для первого диалога. Подойду к нему ответственно.

Что-то я чертовски пьян! Кто здесь?

– Привет!

– Здравствуйте, – ответил я лысому полному мужчине средних лет, который сидел в кресле напротив меня в каминном зале.

Я огляделся. Зал отделан деревом, в камине потрескивали дрова. Кстати, они горели. Во всяком случае, не просто же так им потрескивать, верно?

– Ты какой-то нервный, что-то случилось?

– Знаете, мы с вами... знакомы уже тысячу лет. Да? Да, тысячу лет, может быть уже перейдём на «ты»?

– Тебе нужно ещё выпить, брат, – он подставил поближе мой стакан и налил туда виски. Спасибо!

Глиняный кувшин выглядит довольно аристократично. Но что же вокруг? Где вообще я живу?

Пока виски наполнял мой стакан, я огляделся. Тёмно-зелёные стены моего каминного зала хорошо сочетались со вставками из тёмного дерева. Сложилось ощущение, что это, скорее, локация для съёмок фильма, чем жилое помещение, однако, для распития виски, разве есть разница?

Кожаные кресла были весьма удобны, поодаль стоял диван, через большое окно, увенчанное тяжёлыми бордовыми шторами, были видны деревья, освещаемые единственным фонарём. Справа на стене висели огромные часы с кукушкой. Под часами стоял огромный диван, на котором небрежно валялись клетчатые пледы в количестве трёх штук. Слева в углу стоял огромный телевизионный приёмник. Интересно, как он сюда попал. На часах была уже половина десятого – вечерний прайм-тайм. По телевизору шло какое-то шоу про каратистов.

Я сильно сжал подлокотники и понял, что всё это реально, мне, вдруг, стало очень хорошо. Светлая желтоватая жидкость, расплескавшись по дну стакана, наполнила его на четверть.

– За что выпьем, Эрнест? – вырвалось у меня.

Это был Эрнест, мы любили с ним проводить вечера, опустошая мой погреб, который... у меня есть погреб?

В общем, Эрнест – это мой лучший друг.

Поглядев на меня вопросительно, Эрнест откашлялся в кулак, и, подержав немного руку возле своего лица начал рассказывать историю.

– Однажды я пошёл на охоту. Жертвой должен был стать медведь Миша, который проживал чуть поодаль моих угодий. В связи с этим, мною были сделаны выводы, брат, что он живёт на моей территории. Как я это понял? Элементарно! – он посмеялся. – Однажды, проходя поутру вокруг своих угодий, я увидел записку, приколотую на дерево, где, явно, каллиграфическим почерком было написано: «Убирайся!». Мною были предприняты следующие действия: я расставил караулы, сам дежурил с биноклем на вышке, нанял целый отряд, расставил по периметру фотоловушки и разложил наборы для рисования. Через некоторое время в бинокль я начал замечать движение по направлению к фотоловушкам. Они так устроены... замечательные американские фотоловушки эти, что при приближении к ним срабатывает затвор и я могу удалённо, через мониторы видеть, что происходит. Стремглав побежав к мониторам, я увидел Мишу в различных фотогеничных позах, и самая главная деталь была в том... Кстати, я её не упустил из виду. Главная деталь этих снимков была такая, что медведь был абсолютно голый!

– Все медведи ходят голые, если их массив шерсти вообще можно назвать наготой, – нашёлся я

– Да?

– Я в этом уверен на сто процентов, друг мой.

– Как же ты тогда объяснишь тот факт, что Миша нарисовал мне целый комикс, который, правда, я ещё не собрал в хронологическом порядке. Я разложил по периметру порядка сорока трёх наборов для рисования.

– Это, друг мой, не отменяет того факта, что голое тело для медведя есть ничто иное, как норма.

– Согласен! – ответил Эрнест. – Это совершенно несвязанные между собой факты.

– Но это не отменяет странности того, что, – здесь я взял из рук Эрнеста два рисунка, которые, по его же словам, были делом рук медведя, – что он неплохо рисует.

– Слушай дальше! Увидев эти рисунки, я кое-что понял. Творчество – есть процесс, который протекает удовлетворительно или даже хорошо в двух состояниях. Первое – это абсолютный покой и расслабление. Чувство защищённости и пресыщенности, что мы чувствуем дома, расслабившись в любимом кресле.

Значит, я дома.

– Второе, – продолжал Эрнест, – Это чувство абсолютного лишения, нищенства, даже депрессии!

– Ты сейчас собираешься сделать вывод!

– Именно, брат. Пограничное состояние между этими двумя состояниями...

Состояние между состояниями? Серьёзно? Сколько тебе там лет?

– Совокупность этих состояний – это когда кто-то вторгся к тебе в дом, брат.

– И что из этого следует?

– Это не он вторгается на мои угодья, брат! Это я проживаю на его земле. Вот такой вывод я сделал, просмотрев прекрасные рисунки Миши.

– Захватывающая история, друг мой! Но это значит, что рано или поздно с данным конфликтом нужно будет разобраться, – вырвалось у меня. Ведь существует «Медвежий закон»... и-и-и-и, – протянул я. – И кто-то из вас его нарушает, друг мой.

– Согласен! Выпьем за искусство!

Мы выпили, это был чарующий напиток с нотками древесины. Я не очень хорошо разбираюсь в виски. Этого достаточно, чтобы показать, что он мне понравился.

Или я хотел сказать, что запах солода и дрожжей не исчезает при брожении и особенно сильно проявлялся в этом напитке. Я ощутил следующие ароматы: злаков, жареного кофе, лакрицы, тостов, ириски, бисквита, вареных овощей, дрожжей и самого солода, разумеется.

Боже, какой ты тупой!

– Мне пора, брат, – заторопился куда-то Эрнест.

– Куда держишь путь, друг мой?

– У меня сегодня встреча! Так было написано на дереве.

– Что написано?

– «У тебя сегодня встреча» – вот посмотри. – Он протянул мне ещё одну фотографию, где было изображено дерево, на котором была нацарапана эта фраза. – А это тебе! – он протянул мне конверт с надписью «Это тебе!»

Я взял конверт, положил в карман халата, мы встали с кресел, Эрнест очень долго и крепко жал мне руку и желал всего самого хорошего. Я его проводил из зала по длинному коридору напрямик к двери, там он снял шляпу, так я выяснил, что он всё это время был в шляпе, поклонился мне и ушёл в сумрак улицы, поливаемый дождём и освещённый одним единственным фонарём, стоящим у меня во дворе.

Я закрыл дверь на три замка, потянулся и направился в спальню, находящуюся на втором этаже моего небольшого, но внушительного дома.

Внушительный дом – это когда внутри он больше, чем выглядит снаружи. Я лёг на кровать, предварительно раздевшись, потянулся и зевнул. Перед глазами возникла хмельная пелена, я достал конверт из кармана, висящего рядом халата, посмотрел на него и решил пока не читать, ведь утро вечера мудреннее!

Мудренее, идиот.

Глава 2

Что там написано?

*Если есть в жизни смысл,
то в нём не хватает какого-то смысла...*

Я шёл между очень близко стоящих друг от друга домов. Солнце устало обжигало тротуар у меня под ногами. Ветер поднимал небольшие клубы пыли, из-за которой казалось, что воздух очень плотный и тяжёлый.

– Где твои штаны, красавчик? – услышал я женский прокуранный голос, доносившийся откуда-то сверху

– Вот же они! – крикнул я в ответ, показывая на свои стильные синие штаны двумя руками.

– Так-то лучше, красавчик, – ответила она менее возмущённо. – Впредь будь более продуманный!

– Кто бы говорил! У тебя всего две реплики! – крикнул я в ответ.

Судя по всему, её этот ответ расстроил и она скрылась в своей квартире. А я, довольный своим остроумием, продолжил своё шествие, о причинах коего, видимо, стоит просветить вас.

Проснувшись утром, я справил нужду, сходил в ванную, позавтракал варёными яйцами, кашей, соком, кофе, булочкой, сэндвичем с сыром, курицей, листом салата и соусом из горчицы, сметаны, красного перца и чеснока. Хотя полагаю, что эти факты можно было и упустить из внимания.

Совершив вышеупомянутые действия, я вспомнил про конверт, который был мне вручен Эрнестом накануне.

Не без любопытства я поднялся по лестнице обратно в спальню и начал искать халат, в котором, по моему воспоминанию, этот конверт и лежал. Обыскав всю комнату, я уже было отчаялся, предположив даже, что никакого Эрнеста, конверта и халата не было вовсе.

Если тут всё работает так, как я считаю, то халат находится прямо на самом видном месте. Я оглядел ещё раз всю комнату, затем посмотрел на себя.

Постиранный, поглаженный, благоухающий своей новизной халат находился нигде в ином месте, кроме как прямым на мне! Заметив это нововведение, я спустился вниз, в столовую, так как там был подходящий свет для чтения. Я сунул руку в карман и обнаружил там вчерашний презент моего давнего друга. Распечатав конверт, устроившись поудобнее, я принялся читать. Текст письма меня взволновал не на шутку:

«Мы встретимся с вами! Не сегодня и не завтра. Когда точно – я не знаю. Вы не знаете меня, а я не знаю вас, но я должен вам кое-что рассказать о том, что вы, разумеется, уже и так знаете, однако, встреча наша, которая, уверяю вас, обязательно состоится, в корне изменит всю вашу жизнь. Мою – вряд ли. Да я уверен, что вообще не изменит, у меня, к слову, всё отлично. Я мудрый старик, который доволен всем, что происходит потому, что условия моей жизни более чем удовлетворительные. Я здесь самый умный, очень богатый, получаю, что хочу. Выгляжу я необычно – знаете, эдакий пожилой мужчина с придурыю. Немного щурю глаз, будто знаю больше, чем рассказываю, невысокого роста, ношу причудливую одежду, живу в огромном особняке, меня зовут Вениамин, я написал много книг и вообще я очень крутой. Теперь вы вспомните, что что-то обо мне слышали! До встречи!»

Здесь я поймал себя на мысли, что слышал кое-что об этом старике. Исходя из моего опыта, я понимаю, что он прав. Не зря же данное письмо попало ко мне в руки. Всё, что там было написано, а я знал это точно, адресовано мне, а спорить с тем, что написано в письме, согласиться, глупо. Значит, оставалось только ждать.

После завтрака во мне поселилось чувство, что я и бодрый, и уставший одновременно. Настолько неявное чувство, что я решил испытать себя и отправиться на прогулку. Стоит ли говорить о том, что не я принял это решение, да и чувство появилось лишь после того, как я о нём подумал? Полагаю – нет. Пришлось отправиться на прогулку в город.

И вот, я здесь, в городе. Я не помню как сюда добрался, хотя точно знаю, что выйдя из дома, я увидел, как мимо моего дома проезжал автомобиль моего соседа Ролана. Он точно знал, что я хочу добраться до города и подбросил меня. Вот я узнал, что живу за городом, очень далеко за городом.

Остановись!

Первое, что бросается в глаза в нашем городе – это ветер. Где бы ты не находился, в какой бы части города ты не был, ветер бросался тебе в лицо, глаза и остальные оголённые части тела. Как хорошо, что я надел штаны.

– Здравствуйте! Как ваше имя? – услышал я позади себя очень высокий и противный голос.

Я обернулся и увидел могучего мужчину в полицейской форме. Его лицо было размером с большой кирпич, его руки были словно вентиляционные трубы, а грудь шириной с велосипедную дорожку. Глаза его светились взором хищной птицы.

– Чем могу быть обязан? – спросил я вежливо.

– Как ваше имя? – повторил полицейский, ещё больше повышая свой голос.

– Я вышел в город, чтобы это выяснить, господин полицейский, – ответил я и стал ждать последствий.

Видимо, полицейского удовлетворил мой ответ, которого, скажем прямо, не было вовсе. Я это понял, когда увидел, что размашистый господин посмотрел на меня, как на идиота и скрылся за углом.

Кроме штанов на мне была одета рубаша, пиджак, ботинки и шляпа. Вот так я вырядился, выходит, пока разговаривал с почтенным представителем власти. Осталось выяснить лишь одно – как меня зовут!

За ответом я последовал ровно туда, куда иду и сейчас – вперёд. Выйдя из лабиринта узких улочек, я попал на оживлённый бульвар.

Люди вокруг делились на две большие группы. Одни куда-то спешили, другие же не спешили никуда. Я решил, что не могу продолжать свою прогулку, не присоединившись ни к одной из них. Так как времени у меня было предостаточно – я решил поспешить, но у меня из этого ничего не вышло, ведь спешащий человек мало того, что знает, где ему быть, так ещё и знает к которому часу ему там быть следует. Спешка без цели – это издевательство над временем, как явлением, наверное.

Я услышал галдение по правую сторону от меня. Когда я повернул туда голову, моему взору предстала толпа, которая окружила какое-то спонтанное мероприятие. Абсолютно забыв про цель моего выхода в город, о которой у меня и так не имелось ни малейшего понятия, я направился напрямик туда решительным шагом с целью преодолеть некоторое расстояние.

Что такое некоторое расстояние?

В общем, я оказался в каком-то сборище людей, окружающих каких-то двух спорящих мужчин.

– Позвольте, в чём тут дело? Это конфликт? Что послужило причиной? – спросил я у девушки, стоящей рядом.

– Это очередной субботний спор, – сказала она.

Суббота! Сегодня суббота!

– В чём же он заключается?

– Каждую субботу владелец бара Джонсы и владелец пекарни Джеймсы спорят тут о разных вещах, уважаемый.

– Что же сегодня разразило их?

– Сегодня они обсуждают проблему чаепития с медведем.

«Рассудите нас!» – кричал в толпу владелец Джеймсов. Можно ли пить чай с медведем?

– Ну... – почему-то сказал я вслух

– Вот! Господин! – указал на меня владелец Джонсов. – Можно ли?

Здесь я вспомнил вчерашний разговор с Эрнестом. Что-то слишком много медведей в моей жизни появилось, не перебор ли?

Нет, не перебор, они несут меня вперёд по истории.

– Здесь мне видится, что нужно задать вопрос касаясь данного предприятия, – продолжил я. – Вот, давайте размышлять логически! У нас имеется чаепитие с медведем... предположим.

«Нет!», «Боже упаси!», «Вы там с ума сошли?» – доносились возгласы из толпы.

– Хм... Предположим! – уточнил я, что успокоило некоторых паникёров. – Предположим, – акцентировал я, – что у нас состоялось чаепитие с медведем...

– Состоялось и состоялось! О чём разговор? – крикнул кто-то.

– Да! Давайте ещё вспомним, кто выиграл в футбол вчера! – заметил другой человек из толпы.

– Что тут обсуждать! – подхватил, почему-то и я. – Так, предположим! Предположим, что сейчас проходит чаепитие с медведем. К этому, безусловно, гипотетическому мероприятию должны задать вопрос – с кем или с чем? – говоря это, я повышал голос, когда кто-то начинал возмущаться.

Со всех сторон я услышал одобрительные возгласы. Даже те, кто никак не унимался до этого и говорил между собой – успокоились. Все, включая хозяев Джеймсов и Джонсов обратили свой взор на меня. Наступила тишина.

Я осмотрелся, увидел, что нахожусь в центре внимания и, кашлянув, продолжил.

– Если мы имеем дело с чаепитием, на котором присутствует медведь в роли полноправного участника – то это недопустимо, скорее всего. Но если медведь идёт в роли закуски к чаю – то это уже ни в какие ворота, друзья. Жестокость по отношению к медведям преступна, а на вкус они, я думаю, не очень. Хотя, во многих странах считается, что медведь – это деликатес. Но в нашей – нет.

И хотя я не дал чёткого ответа на этот вопрос, вся толпа, с задумчивым видом каждого из её участников, потихоньку разошлась. Страсти утихли, на месте ещё недавно шумного скопления народа остались только я и зачинатели спора. Повисла немая пауза.

– Дал ты жару, друг! – сказал мне внезапно хозяин Джеймсов.

– Интересно рассуждаешь! – подхватил мысль хозяин Джонсов.

– Заходи ка на рюмочку! – сказали они одновременно.

Я вместе с ними отправился в бар Джонсы и присел на самое хорошее место из свободных. Хозяин Джонсов был похож на хозяина Джеймсов, за исключением тех черт, которыми хозяин Джеймсов отличался от хозяина Джонсов.

Передо мной в одно мгновение появилась бутылка с прозрачной жидкостью, три рюмки и солёные овощи.

– Это водка! – сказал хозяин Джеймсов.

– Я знаю, – сказал хозяин Джонсов.

– Я это не тебе! – нахмурился хозяин Джеймсов.

– Спасибо за столь радушный приём, господа! Очень приятно взять вот так и в разгар замечательного дня оказаться на приёме у таких хороших людей. Будем здоровы! – сказал я, наливая водку в рюмки и поднимая свою чуть ли не над головой.

– Вздоргнем! – сказали эти двое одновременно.

– Как твоё имя, друг? – спросил меня хозяин Джонсов.

– За ответом именно на этот вопрос я и отправился в город, господа, – сказал я и выпил ещё одну рюмку, предприимчиво наполненную хозяином Джеймсов.

– То есть ты не знаешь своего имени? – спросил хозяин Джеймсов.

– Как бы вам это объяснить, господа. Разумеется, я знаю своё имя, – я взял огурец и откусил кусочек. И лишь тщательно его прожевав, продолжил. – Разумеется, как и любой другой человек, кроме тех, кому ещё не придумали имя родители или те, кто потерял память и документы, я знаю своё имя. Я помню своё детство, родителей, братьев, свою первую любовь, школу, работу, всех друзей, подруг, любовниц, любимое блюдо, привычки, марку автомобиля, за руль которой я впервые сел, первый поцелуй, первое путешествие, любимый анекдот и даже чертёж одной детали для самосвала, но это, скорее по работе. Дело лишь в том, что имени моего сейчас попросту нет.

– Как это нет? – сказал владелец Джеймсов

– Что значит нет? – вторил ему хозяин Джонсов

– Вы же, – обратился я к хозяину Джеймсов, – Хозяин Джеймсов?

– Разумеется! – ответил хозяин Джеймсов.

– Так-то лучше! – сказал я.

– Всё-таки поясни нам, друг мой! Что значит – имени ещё нет?

– До сегодняшней вылазки в город его мы и не могли знать, господа.

Они нахмурили брови и начали сопеть. Я продолжал.

– Но сегодня случилось очень странное. Когда я шёл по улице, ко мне подошёл полицейский и поинтересовался моим именем. Но оно почему-то не появилось.

– Весьма странно, – сказал хозяин Джеймсов.

– Очень непонятно, – сказал хозяин Джонсов.

– И тут я понял, что сегодня я его выясню.

– Как же ты собрался это делать, – спросил хозяин Джонсов.

– Господа, только спокойствие! За всю мою жизнь я понял лишь одно. Ничего не нужно предпринимать. Когда будет нужно – всё случится само собой. Например, сказав какую-то околесицу, я познакомился с вами и теперь провожу свой день в такой приятной компании за очень хорошим напитком. Это ли не счастье? В конце концов, господа! Вы любите читать? – я не дал им ответить, – Бывает ли такое, что герой вашей любимой книги куда-то ходит, что-то делает, рассуждает, думает, проходит свой путь, свою дугу, так сказать, из главы в главу? Но кто-нибудь задавался вопросом – что происходит между главами?

Например! Взять детективы! – тут я разошёлся уже не на шутку. – Во многих мы не знаем имя убийцы до самого конца, до самой развязки. В конце оказывается, что злодей был с нами во время всего повествования. И вот вопрос! Господа... – я оглядел их, они явно ждали чего-то. – И вот вопрос! А садовник знает, что он убийца на протяжении всей книги? Вдруг он узнаёт об этом в то же время, что и мы? Вот незадача, правда?

Хозяин Джеймсов почесал затылок. Они переглянулись с хозяином Джонсов.

– Ты очень пьян? Ты скажи мне! – сказал он.

– Да? Да, я решительно пьян.

– Это отлично! Предлагаю тогда продолжить, кстати, сегодня у меня в баре выступает музыкальное трио из красивой девушки-вокалистки, флейтиста гомосексуалиста и барабанщика-мертвеца, – сказал хозяин Джонсов.

– Пожалуйста, надеюсь, это не фэнтези, где мёртвый барабанщик по-настоящему мёртв и играет на барабанах при помощи магии?

– Друг! – сказал хозяин Джонсов, взяв меня за плечо. – Это его прозвище. Он самый что ни есть живой.

– Меня это устраивает, – сказал я и мы выпили ещё.

Мы очень долго пили водку, официантка с большой грудью и неприятными бровями приносила ещё и ещё. Пару раз мне показалось, что я могу встать и уйти, но, как водится, ничего подобного не произошло. Хотя нет – пару раз я вставал дабы сходить в туалет, умыться и побить себя по щекам. Спасибо и на этом.

Наступило время представления. На сцену вышло не трио, а целый ансамбль. Там были ударные, флейта, контрабас, скрипка, фортепиано и что-то ещё. Началось всё с прекрасной танцевальной песни про зелёные луга:

*«Я по лугам с тобой несу
Горсть любви и охапку света
Зелёным я лугам кричу
Что тебя на свете лучше нету»*

Затем была медленная композиция про дурочку, которая очень любила жёлтый цвет:

*«Ты знаешь, что жёлтый
Это признак разлуки,
Ты знаешь, что он
Убивает любовь»*

Финальной песней в первом отделении была ода красным розам:

*«Стой! Если приближаешься
То ты в опасности
Красивые и коварные
Розы в нашей реальности»*

Песни эти не были преисполнены каким-либо смыслом, но хозяин Джонсов был прав – певица в этом ансамбле была поистине чем-то между нежностью мамы и страстью шлюхи. А флейтист действительно оказался гомосексуалистом.

После каждой песни мы вставали и сильно хлопали в ладоши. После выступления музыканты очень быстро собрались и исчезли где-то за сценой. Я тоже собрался уходить.

– Спасибо, господа, – я говорил это, держась за стену.

– Всегда пожалуйста, дружище! Удачи с поиском имени. Кстати! Это счёт! – хозяин Джонсов вручил мне бумажку, на которой была огромная сумма.

– Я не могу... не сейчас... – говорил я, осозная, что даже не знаю, были ли у меня какие-нибудь с собой деньги или нет.

– Приходи завтра, оплатишь всё как сможешь, – сказал хозяин Джонсов, – А ни то мои ребята тобой займутся!

– Ну это полный бред, надеюсь, этого ты не говорил!

– Не говорил чего?

– Про ребят, которые займутся мной!

– Ты пьян, друг! Ничего такого я не говорил! – сказал хозяин Джонсов.

– Спасибо! – ответил я. Пока шёл этот диалог, я шарил по карманам и что-то нащупал. Это был мой бумажник, я его достал, открыл, отсчитал полагающуюся сумму и, поблагодарив всех, направился на выход. По крайней мере я оказался весьма состоятельным парнем.

Проходя по ночным улочкам города, держась за стены и еле переставляя ноги, я споткнулся о камень и упал. Бумажник вылетел у меня из рук, из него выпали какие-то визитки, карты и бумаги. Ползая по тротуару, я начал их собирать. Это было тяжело, учитывая тот факт, что в городском сумраке было ничего не разглядеть. Собрав всё, я увидел карточку с фотогра-

фией. Каково же было моё удивление, когда я понял, что на фотографии был я. Это был мой документ! Вот и разгадка!

Я взял его, поднёс ближе к лицу, было темно, всё двоилось перед глазами.

Чёрт возьми, что там написано? Зачем ты так со мной?

Глава 3

Леопольд

Как-как? Ты там что?

С ума сошёл?

Солнце пробивалось сквозь закрытые веки, делая абсолютно всё вокруг бордово-оранжевым. Моё тело ломало от пяток, проходя через моё уже немолодое тело, отдаваясь гулом тысячи поездов в ушах и разламывая, как эти же тысячи поездов, мою голову.

Я боялся сделать вдох, потому что рёбра мои были, будто бы, полностью переломанными, воздух не задерживался в лёгких и доли секунды, сердце колотилось как бешеное, не оставляя мне и шанса оказаться в данный момент мёртвым. Я был жив, но на какое-либо действие меня смог бы побудить только самый веский повод.

– Ready for some action? – услышал я сквозь гул, распространяющийся внутри моей головы.

– Я дико извиняюсь, господин, но, кажется, вы на мне стоите, – сказал я, еле открывая правый глаз.

Всё это, как ни странно, было правдой. На моей груди красовался чёрный, как сам космос, сапог исполинских размеров.

– Извините, господин, – сказал мне, проявляющийся в пелене моего похмелья, полицейский.

Это был он, тот самый господин полицейский, что интересовался моим именем вчера. В руках у меня находился документ с моей фотографией, который я гордо протянул ему.

– Леопольд! Моё имя Леопольд, мне тридцать семь лет!

Я знал, что без имени мне уготована участь какого-нибудь садовника или почтальона, но теперь я знал, что со мной будут происходить поистине чудесные события. Ведь наличие имени у героя меняет всё.

– Что вы тут делаете, господин? – спросил он, убирая ногу с моей груди.

– Я тут хочу пинту стаута, либо портера, на худой конец, почтенный господин, – ответил я ему как можно вежливее.

– Вы знаете, что лежать на улице – это общественно бесполезное действие? – спросил он у меня, нахмурившись.

– Вы знаете, что наступать на человека с утра пораньше – есть дело ничем не лучшее, чем убивать медведя ради чаепития?

– Что? – недоуменно спросил он.

Объяснять что-либо в концепции партнёров по чаепитию в канве медведей было излишним, поэтому я сменил тему.

– Отличный сегодня день, господин полицейский!

– И то верно... Леопольд, – я впервые услышал своё имя из чужих уст.

Я, конечно, слышал его уже миллионы раз от родителей, девушек, друзей, служащих банка, докторов, клиентов, почтальонов, вот и услышал его ещё раз.

Будь ты проклят!

– Я уберусь отсюда в считанные секунды, господин, – сказал я, собрал все силы, встал и почувствовал, как моя голова сейчас взорвётся.

Я знал, что головы не взрываются, особенно в самом начале, но что не придёт тебе на ум, чудовище!

– Хорошего дня, Леопольд! – козырнул мне полицейский и удалился восвояси.

Немного отдышавшись и вновь обретя зрение, я пошёл на автобусную станцию, ведь мне предстоял очень долгий путь домой.

Чёрт тебя дери!

– Привет! – я услышал чарующе знакомый голос за спиной.

Я обернулся, солнце осталось позади для того чтобы выгодно подсветить её. Это была певица из Джонсов, которая вчера почему-то растрогала моё сердце своими бестолковыми песнями про луга, цветы, платья и весну. Внезапно появившийся ветер начал развивать её одежду и рыжие волосы, обнажая красивое лицо. Что может быть чудеснее, чем влюбиться с первого взгляда, обнаружить в себе то чувство, которое могло бы и не появиться в моей груди никогда. Что может быть чудеснее, чем осознать тот факт, что ты сейчас находишься в начале пути, который, возможно, довольно скоро закончится...

Вообще, разумно было бы предположить, что эта девушка – моя настоящая любовь и мы с ней проведём остаток дней вместе, ибо на то воля драматургии. Но, чёрт тебя дери, этот остаток дней наступит сегодня, если я ничего не выпью!

– Ты выглядишь ужасно, – сказала она, улыбаясь.

– Спасибо, я старался, – рассмеялся я, разглядывая её чудесно бледную кожу, веснушки, тонкие губы и прекрасные глаза. – Чувствую себя ещё хуже, если тебе от этого будет легче.

– Я слышала, что ты говорил про пинту портера!

– С чего это? Ты подслушивала?

– А ещё я видела вчера, что ты внимательно слушал мои песни... Леопольд?

– Да, а как же зовут тебя?

– Меня зовут Элла, – сказала она.

Это ужасное имя, честно признаться.

– Очень красивое имя, да чего тут скрывать, кажется, у меня украли все деньги ночью.

– Да, и это была я. Поэтому, я просто уверена, что должна тебя угостить.

– Да прольётся нектар мне в рот такой же живительный, как вчерашние песни, что проливались мне прямиком в душу.

– Кадрить меня будешь потом, Леопольд! – сказала она с показной строгостью и мы пошли в Джонсы.

В Джонсах хозяин Джонсов был безумно рад видеть меня. Он так и сказал: «Безумно рад видеть тебя!». Мы прошли за мой любимый столик, присели и увидели перед собой через пару секунд безумно худую и измотанную официантку.

– Две пинты портера и чесночный хлеб, дорогая, – сказала Элла.

– Я очень долго ждал, как выясняется, для того, чтобы сказать тебе эту фразу.

– Какую, Леопольд?

– Давай эта часть будет как любовный роман?

«Что ты имеешь ввиду?» – прочитал я по её лицу и, чуть было, не стал рассказывать, что конкретно я имею ввиду, но она сказала: «Давай!»

К этому я не был готов, но план на такое развитие событий у меня, разумеется, был.

– Я расскажу о себе, – сказала она. Нам принесли два больших стакана, до верхов наполненных портером с минимальным количеством пены. – Я родилась недавно и недалеко, я люблю цветы, что растут в полях, люблю писать картины, люблю настольные игры, люблю внезапность и радуюсь жизни, не люблю котов, не люблю, когда скучно, давай пойдём ко мне?

– Я же ещё ничего не рассказал о себе. Пусть в жизни всё так и бывает быстро, как ты мне повествовала, но в романах, отнюдь, всё гораздо более скучно, Элла.

– Тогда говори же!

Это весьма странно.

Я пересказал ей всю историю своей жизни со всеми взлётами и падениями, что вспомнил. Рассказал про всех своих родственников и их семьи, про всех своих друзей и их семьи, про все

места, где когда-либо бывал и когда-либо работал. Про все чудеса, что со мной происходили, особенно в последние два дня, про встречу с Эрнестом, его ловушки на медведей, знакомство с хозяином Джеймсов и хозяином Джонсов, с которыми я спорил так же по поводу медведей, о красоте моего дома и богатстве моего погреба, о том, о чём мог бы мечтать, и о том, чего бы я не хотел ни в коем случае. Только об одном я решил умолчать – это о письме Вениамина, потому что смысла в этом пока что не было решительно никакого.

В свою очередь, Элла не только внимательно слушала, но и на каждую историю приводила свою, в которой она превосходила меня в смекалке, если речь в моей истории заходила о моей смекалке, как она превосходила меня в мастерстве, если история была посвящена, где моё мастерство в том или ином деле разрешило какое-либо затруднение. И, конечно же, когда я говорил о поступках, которые я когда-либо совершал для кого-либо из любви, она находила в своей памяти более искренние, красивые, широкие жесты, до которых, даже опустошив половину бара с портером, мне было не додуматься решительно никак.

– Что ты со мной творишь? – спросила она и багрянец появился на её веснушчатых щеках.

– Что?

И тут мне всё становится ясно, я читаю на её лице искреннюю заинтересованность мной. Она так открыта передо мной. Я вижу, что ей хорошо со мной, весело, свободно. Я могу рассказать всё, что угодно и ей всё понравится. Но что это? Ответь мне! Это подарок? Это отвлечение от моих целей? Сюжетная необходимость или что-то, выходящее за рамки твоего плана? Всё слишком хорошо и складно развивается, друг мой.

И что делать в такой ситуации? Отдаться этому потоку, что несёт меня вперёд? То есть поступить как всегда? Или я могу взять и сделать что-то такое, чего ты от меня не ожидаешь? Я же могу сейчас встать, плеснуть ей в лицо своё пиво и убежать!

Конечно не могу, ведь с каждой секундой я всё больше убеждаюсь, что она – моя судьба. Но разве это я убеждаюсь? Или так нужно? Что делать?

Что?

Со мной всё хорошо, я чувствую воспарение над этим миром. И, чёрт возьми, да! Я боюсь спугнуть эту секунду, этот момент, в котором я, кажется, по-настоящему счастлив.

– Ты очень милый, ты весёлый и история про медведей меня возбуждает, Леопольд!

Я боюсь того, что грядёт, я очень хочу, чтобы это не было твоей очередной шуткой, я хочу счастья! Хотя, разве то, что сейчас происходит – это ли не счастье? Это ли не то, что происходит во благо? Но чем это закончится? Поговори со мной, не оставляй меня одного, я пытаюсь достучаться до тебя, почему ты так поступаешь? Неужели ты хочешь обречь меня на то, к чему я не готов? Или же я готов, а ты просто пытаешься дать мне знак, сказав, что всё хорошо и пусть случится то, что случится. Главное, не отворачивайся от меня, слышишь? Кто бы ты ни был – не отворачивайся, не бросай меня. Не отворачивайся.

С другой стороны, почему люди всегда на что-то рассчитывают? Пытаются предсказать будущее. Хотя знают, что это невозможно. Что ж, кто бы ты не был – я в твоих руках. Неси меня вперёд по строкам и по сюжету. Честно сказать, лучшее, что ты можешь для меня сделать сейчас – это оставить меня в покое, но этого не произойдёт. Или я уже один?

– Ты в порядке? – Элла погладила меня по руке.

– Что такое? Что ты имеешь ввиду?

– Ты задумался на несколько минут, не слушал, что я говорю.

– Такое бывает, Элла, такое бывает, я сейчас понял, что мне нужно встретиться с одним человеком.

– Сегодня? Сейчас?

– Нет, Элла... а может и сегодня. Я не знаю, но я понял, что встретиться мне с ним жизненно необходимо.

– Кто это?

Тут я вспомнил про письмо ещё раз, я вспомнил, что он даст ответы на все вопросы, что он знает всё, он богат, крут, красив и стар. Или в другом порядке. Наверное, это портер, излечив меня от жуткого похмелья, ударил в голову и перепутал в ней все мысли.

– Уходим! – громко крикнула Элла, встала, накинула на себя свой жёлтый жакет и ушла по направлению к выходу.

Это значило одно – за выпивку плачу я. Сунув руку в карман, я почувствовал, что мой бумажник полон денег. Это был чудный подарок сегодняшнего дня, притом, уже второй! Я кинул несколько купюр на стол и помчался за ней.

Мы гуляли. Осенний воздух был прохладным и ложился освежающим слоем на мои хмельные внутренности. Ослепляющие виды города, из которого я не так давно уехал в своё родовое гнездо, забытыми картинками из открыток отражались в моих глазах. Однако, это были всего лишь декорации для главного экспоната – для неё. Она была летящим листом, который, вкупе с остальными листьями, рисовал мне целую картину. Увядающий мир природы рождал нечто безумно прекрасное и весеннее. Что-то зарождается в этот момент на фоне умирающего мира. Этот вздор мог бы литься из меня часами, абзацами, километрами, если бы я не остановил это своей волей. Или же не своей?

– Посмотри, какое раскидистое дерево! – крикнула мне Элла, вскочив на высокий бордюр, встав под шапку зелёно-жёлтого оперения этого замечательного растения.

– Оно действительно прекрасно и раскидисто! – крикнул я в ответ и заскочил вслед за ней.

Её губы были наполнены жаром, хмелем и вишней. Вдруг я понял, что мне уже всё равно, по чьей воле это происходит.

То был поцелуй, подаривший мне ощущения, чувства, которые распространялись от губ до самых ног, подкашивая их и немного разогревая моё слегка озябшее от ветра тело.

– Ни слова больше! – сказала она, отвлекшись от поцелуя.

– Хорошо! Я не против! – вскрикнул я.

– Следующий автобус в твоё родовое гнездо отходит через пятнадцать минут, нам надо торопиться.

Я взял её за руку и повёл за собой к обочине. Проезжающий таксист всё видел и всё понял. Он остановился, улыбнулся и кивком головы пригласил нас внутрь машины. Всю дорогу, что мы ехали до автобусной станции, мы страстно целовались, а таксист, поглядывая на нас через зеркало заднего вида улыбался и глазами желал нам счастья.

Уже совсем скоро мы были на станции, я купил билеты и мы сели на платформе в ожидании посадки.

– Что я делаю? – спросила Элла.

– То, что нужно, – ответил я.

Автобус подошёл ровно в пятнадцать ноль ноль. У нас были билеты в разные ряды, поэтому я остался наедине с собой и со своим соседом Иосифом. Он рассказывал, что нынче животные беспокойны и стоило бы возобновить традицию охоты на них, чтобы знали своё место. Не стоит им докучать честным и спокойным жителям, например, таким как он и я. Им стоило бы вспомнить те столетия, что мы охотились на них ради забавы, говорил он, чтобы успокоиться и остаться в своих норах, берлогах, на деревьях и так далее. Затем он заснул, а вслед за ним уснул и я. День выдался очень выматывающим.

Заткнись!

– Леопольд! – донеслось откуда-то сквозь сон. Это была она.

– Да! Я тут! – я открыл глаза, моему взору, через окно автобуса, предстал мой дом за желтизной осенних деревьев.

Это была моя станция. Попрощавшись с водителем, мы с Эллой вышли. Я взял её за руку, очень крепко, чтобы она точно не ушла куда-нибудь за Иосифом. Мы шли через мой двор. Садовые гномы своими большими колпаками провожали нас ко входу. Я открыл дверь, мы зашли.

– Мне нужно в душ, – сказал я. – вдруг я прочувствовал, что валялся на грязной улице.

– Понимаю, у тебя есть что-нибудь выпить?

Тут я вспомнил про свой погреб.

– Немного в верхнем шкафчике, – сказал я и отправился в душ.

– Мы пили виски, общались, держались за руки, целовались. Так прошёл день до самого заката, который мы встречали в моём каминном зале.

– Я останусь у тебя, – сказала она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.